

А. И. Вихлянцев

Тверской государственный университет, магистрант

Научный руководитель: д.ф.н. Е. Ю. Мяжкова

СРЕДСТВА ПЕРЕДАЧИ ИМПЛИЦИТНОЙ ЭКСПРЕССИВНОСТИ В ПЕРЕВОДЕ (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНОВ XX ВЕКА)

Человеческому мышлению и, соответственно, языку свойственно стремление к экономии усилий и ресурсов, суммированию и обобщению отражаемых событий. При описании различных жизненных ситуаций зачастую происходит процесс компрессии и избавления от избыточной информации. Применительно к художественной литературе имплицитный стиль изложения содержания, неразрывно связанный с компрессией и подразумевающий наличие подтекста, содействует раскрытию художественного замысла автора и может рассматриваться в качестве одного из эффективных приемов создания экспрессивности.

Экспрессивность, будучи одной из важнейших движущих сил в развитии языка, позволяет передавать мысли говорящего (пишущего) наиболее ёмко. Она даёт автору возможность реализовать свои намерения и отразить в художественном произведении личностные идеи и мысли [Аванесова 2010: 5].

Одним из способов передачи экспрессивности в художественном тексте является имплицитность. Для полного и правильного выявления имплицитного смысла художественной детали и ее интерпретации не всегда можно ограничиться одной лексемой и тем более одним предложением. В целом ряде случаев приходится ориентироваться на текст, так как смысл детали может быть интерпретирован только исходя из совокупности ситуаций, изложенных в произведении [Примерова 1988: 25].

Стоит подробнее рассмотреть понятие «имплицитность». Под имплицитностью понимается «невыраженность части логических связей, существующих между предметами и явлениями действительности в лексическом наполнении предложения и его грамматической структуре. Имплицитность повышает смысловую емкость высказывания, не усложняя при этом его синтаксическую структуру» [Матвеева 1986: 12].

Важно отметить, что лишь контекст способен сделать ощутимым имплицитное, выявить имплицитный потенциал языковой единицы: «значения не существуют сами по себе, но “содержатся” в словах и предложениях и не “извлекаются” из них, а “вычисляются” интерпретатором на основе свойств речи и ее контекста» [Ермакова 2009: 59].

Согласно А. В. Бондарко, имплицитные семантические элементы не выражены в речевом акте, но вытекают из эксплицитно выраженных

элементов. Для того чтобы адресату правильно детерминировать смысл того или иного речевого отрезка, равнозначное внимание следует уделить языковому содержанию высказывания, ситуативной информации, контекстуальной информации, фоновым знаниям, прагматике текста [Бондарко 2006: 24].

Имплицитность в художественном произведении играет особую роль в раскрытии художественного замысла автора. Очень часто имплицитность выступает в роли специального приема, используется писателями для выражения и создания общей выразительности художественного произведения. В этом случае имплицитная информация несёт особую нагрузку, углубляя смысловую структуру текста и придавая произведению особый эстетический заряд [Вересаев 2013: 495].

Перевод как средство межязыковой коммуникации не является тождественным по отношению к оригиналу. Одной из причин неполного соответствия текстов оригинала и перевода является соотношение эксплицитности / имплицитности, поскольку особые переводческие проблемы возникают именно в связи с имплицитным смыслом высказывания. Это касается не только отдельных слов и словосочетаний, но и более крупных языковых структур и даже текста в целом, и требует от переводчика высокого профессионализма, поскольку часто вынуждает его использовать либо перестройку предложения, либо такие сложные переводческие трансформации, как смысловое развитие (модуляция), экспликация, целостное преобразование, не говоря уже о генерализации или приращении с целью уточнения [Черкашина 2015:169–170].

Проблема имплицитности неоднократно рассматривалась иностранными и отечественными переводчиками. Так, в работах голландского лингвиста К. Кэллоу говорится, в частности, о том, что переводчик должен распознать и не переданные прямо, имплицитные элементы текста оригинала и адекватно передать их в переводе [Callow 1990; 1992]. Этому мнению придерживаются и современные отечественные переводоведы, считающие, что некоторые элементы, выражаемые имплицитно в оригинале и вполне понятные носителям языка в таком виде, в переводе должны быть выражены эксплицитно [Ковалева 2001: 28–30, 48–51; Комиссаров 2002: 59–60; Швейцер 1973: 121–124]. Расхождения в их позиции касаются лишь понимания границ возможной переводимости.

В нашей статье анализируется имплицитный стиль повествования в романе Джона Уильямса «Стоунер» [Williams 2003] на лексемном уровне и рассматривается, каким образом имплицитность передается в переводе на русский язык – сохраняется ли она или же полностью исчезает.

Эпизод, где Стоунер узнает о смерти своего отца, служит наглядным примером того, каким образом Джон Уильямс, используя стилистически нейтральную лексику и, главным образом описывая только происходящее,

при помощи контекста достигает желаемого результата. Прежде чем упомянуть о каком-либо важном событии в жизни героя, автор медленно подводит читателя к развязке, оставляя по пути слова, которые должны служить в качестве подсказки или намёка. Эти слова позволяют читателю самостоятельно выстроить цепочку рассуждений о том, что может произойти дальше. Именно тот простор, который читатель имеет в своем распоряжении для интерпретирования дальнейшего хода событий, и индивидуальный смысл, который автор вкладывает в данный контекст, позволяет говорить о наличии экспрессивности, достигаемой за счет имплицитности.

«...by noon he was dead» – эту новость читатель узнает вместе с главным героем. Однако в предшествующих описаниях и репликах есть слова и фразы, которые буквально «кричат», сигнализируют о том, что вот-вот случится что-то непоправимое: *One evening in the spring of 1927 William Stoner came home late. “You are late,” she said. William took the receiver and spoke into the mouthpiece. No one answered <...> His hand holding the mouthpiece was shaking* [Williams 2003: 103–104].

Перевод данных примеров на русский язык, выполненный Л. Ю. Мотылевым, выглядит следующим образом:

«Однажды вечером весной 1927 года Уильям Стоунер вернулся с работы позже обычного», «Ты что-то поздно сегодня, – сказала она», «Уильям взял трубку и сказал: «Алло». Никто не отозвался» <...> «Его рука, державшая трубку, стала дрожать»

<...>

«...в полдень отец уже был мертв» [Уильямс 2015: 132].

На наш взгляд, перевод данного отрывка подтверждает тезис о том, что некоторые элементы в оригинале при переводе на русский язык эксплицируются, за счет чего имплицитность, заложенная в оригинале, частично пропадает. Тем не менее, содержательная часть отрывка наряду с прагматическим и лингвокультурным звучанием оригинала передана адекватно.

Приведем другой фрагмент из романа. Эпизод, где описывается времяпрепровождение гостей в доме Стоунера и Эдит также является примером имплицитности, обеспечивающей создание экспрессивного образа.

By ten o'clock most of the guests had taken plates piled with sliced cold ham and turkey, pickled apricots, and the varied garniture of tiny tomatoes, celery stalks, olives, pickles, crisp radishes, and little raw cauliflower ears; a few were drunk and would not eat. By eleven most of the guests had gone [Williams 2003: 97].

Из контекста становится понятно, что нет необходимости подробно описывать процесс трапезы (она подразумевается, выражена имплицитно),

так как длинное перечисление блюд уже создает образ, который в достаточной мере дает представление о том, что происходило в течение этого часа.

Перевод приведённого выше фрагмента на русский выглядит следующим образом:

К десяти вечера большинство гостей взяли тарелки с ветчиной и кусочками холодной индейки, с маринованными абрикосами, со смешанным гарниром из крохотных помидоров, черешков сельдерея, оливок, маринованных огурчиков, хрустящего редиса и маленьких сырых побегов цветной капусты; кое-кто, правда, изрядно набрался и есть не стал. К одиннадцати люди в большинстве своем разошлись [Уильямс 2015: 124].

На наш взгляд, тот эффект, который оригинал производит на читателя, в переводе соблюден. Однако для достижения данной цели переводчик прибегает к ряду трансформаций, одной из которых является приращение с целью уточнения. Так, фраза «a few were drunk» дополнена в переводе с помощью оценочного вводного слова «правда», а словосочетание «изрядно набрался» является более уточняющим и развернутым по сравнению с английским «drunk». Перевод английских «would not eat», «had gone» как «есть не стал», «разошлись» свидетельствует о приращении с целью уточнения. Перевод слова «guests» как «люди» является примером генерализации, вследствие чего закономерно утверждать, что в процессе перевода происходит частичная утрата имплицитности, некоторые элементы эксплицируются с приращением дополнительного смысла.

Таким образом, при переводе на русский язык английских художественных текстов, в которых преобладает имплицитный стиль повествования, происходят различного рода трансформации, наиболее выраженной из которых является экспликация.

ЛИТЕРАТУРА

Аванесова Н. В. Эмоциональность и экспрессивность – категории коммуникативной лингвистики // Вестник Югорского государственного университета. 2010. Выпуск 2 (17). С. 5–9.

Бондарко А. В. Эксплицитность / имплицитность выражения смыслов в общей системе категоризации семантики // Семантико-дискурсивные исследования языка: эксплицитность / имплицитность выражения смыслов: Материалы международной научной конференции. Калининград: Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта, 2006. С. 22–33.

Вересаев В. В. Компрессия художественного текста в аспекте имплицитности // Молодой ученый. 2013. №7 (54). С. 494–496.

Ермакова Е. В. Многоаспектность проблем имплицитности: имплицитность в языке и речи // Известия Саратовского университета. 2009. Т. 9. Сер. Социология. Политология. Вып. 1. С. 58–61.

Ковалева К. И. Оригинал и перевод: два лица одного текста. М.: Всерос. центр переводов, 2001. 97 с.

Комиссаров В. Н. Современное переводоведение. М.: ЭТС, 2002. 424 с.

Кузнецова Н. Н. Категория экспрессивности и связанные с нею понятия // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. 2007. № 4. С. 63–74.

Матвеева Т. В. Лексическая экспрессивность в языке. Свердловск: УрГУ, 1986. 90 с.

Примерова Н. Д. Речевая компрессия в диалогическом единстве: на материале английского художественного текста: дис. ... канд. филол. наук. Одесса, 1988. 199 с.

Старкова А. П. Имплицитность как семантическое явление и ее функции в художественном тексте: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1983. 25 с.

Уильямс Дж. Стоунер: роман / Пер. с англ. Л. Ю. Мотылева. М.: Corpus, 2015. 352 с.

Черкашина Л. П. Соотношение эксплицитности / имплицитности в переводе // Коммуникативные исследования. 2015. №2 (4). С. 169–174.

Швейцер А. Д. Перевод и лингвистика. М.: Воениздат, 1973. 280 с.

Callow K. Zero realization in meaning-based translation // Translation and meaning. Part I: Proceedings of the Maastricht Session of the 1st International Maastricht–Łódź Duo Colloquium (Maastricht, The Netherlands, 4–6 January 1990) / Ed.: M. Thelen and B. Lewandowska-Tomaszczyk. Maastricht: Euroterm Maastricht, 1990. P. 20–21.

Williams, J. Stoner. New York: NYRB, 2003. 278 pp.